

Образы современности в XXI веке: метамодернизм

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Доцент, Школа философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН.
Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: apavlov@hse.ru.

Ключевые слова: постмодерн; постпостмодернизм; метамодернизм; социальная философия; культура; марксизм; постирония; эстетика.

После того как ключевые теоретики постмодерна оставили тему (Фредрик Джеймисон) или даже признали, что постмодерна больше нет (Линда Хагчэон), с 2000 года начали возникать различные концепции, которые объединяются зонтичным термином «постпостмодернизм». Одной из последних интеллектуальных альтернатив постмодерну стал метамодернизм, предложенный двумя европейцами — Тимотеусом Вермуленом и Робином ван ден Аккером. В 2010 году они опубликовали своеобразный манифест «Заметки о метамодернизме», в котором постарались доказать, что в новой культуре произошел поворот от цинизма и иронии к искренности и романтике. Этот поворот свидетельствует о возникновении новой эпохи метамодерна. Автор статьи подвергает данный тезис критической оценке и приходит к выводу, что с содержательной точки зрения

концепция метамодерна практически не выдерживает критики, а сам манифест остается в лучшем случае декларацией.

Вместе с тем это не означает, что «метамодернисты» интуитивно не нащупали ключевых, но пока еще не вполне очевидных культурных и социальных тенденций. В конце 2017 года вышел сборник статей под редакцией Вермулена и ван ден Аккера. Несмотря на то что сами авторы концепции почти не предложили ничего нового и никак не развили свои идеи, вместо них метамодернистский импульс подхватывают и дорабатывают теоретически иные исследователи и мыслители, делая это более качественно. Так, в проект метамодерна вливаются ученые, более искушенные в теории и эмпирических исследованиях, благодаря чему метамодернизм обретает новую жизнь и доказывает право на свое существование.

Рождение идеи

В 2010 году в издании *Journal of Aesthetics & Culture* вышла статья с довольно громким названием «Заметки о метамодернизме» — статья двух европейцев, Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Аккера¹. Хотя, как правило, слово «заметки» (*notes*) не слишком обязывает (достаточно приметить что-то важное в описываемом феномене), амбициозным в данной публикации было слово «метамодернизм». На тот (и даже на сегодняшний) момент еще не все интеллектуалы распрощались с постмодерном², а человечество вообще только-только смирилось с его существованием, как вдруг кто-то предложил нечто, отличное от постмодерна. То есть само название в точности отражало не только суть статьи, но и авторские интенции — попытку «вбросить» в академическое/интеллектуальное пространство новую даже не теорию, но идею, предложив к ней «заметки», и посмотреть на реакцию читателей и критиков. И хотя авторы скромно заявили, что это приглашение к дискуссии, а не манифест, на деле «Заметки о метамодернизме» были самым настоящим манифестом — довольно амбициозным текстом, в очередной раз хоронившим постмодерн и предлагавшим новый язык описания нашего времени.

При этом авторы не были первопроходцами среди тех, кто уже использовал совершенно новые темпоральные категории, чтобы распрощаться с постмодерном и описать его альтернативы. Статья начинается с того, что с 2000 года некоторые мыслители уже

1. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. P. 1-14 (рус. пер.: Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>). Я буду обращаться к английскому варианту, чтобы желающие могли сразу найти искомые места; кроме того, хотя самим переводом вполне можно пользоваться, но все же в нем есть некоторые неточности.
2. Некоторые авторы до сих активно используют эту категорию в рамках социальной теории и актуальной политики. См., напр.: Бьюз Т. Цинизм и постмодерн / Пер. с англ. С. А. Зеленского. М.: КДУ, 2016.

вступили на этот путь. Так, на тот момент были предложены концепции перформатизма (2000), гипермодерна (2005), автомодерна (2008), диджимодерна (2009), альтермодерна (2009) и реновализма (2010)³. Все эти теории Вермеулен и ван ден Аккер упоминают лишь вкратце, ни одну не сочтя удовлетворительной. Правда, с каждой из них они работают по-разному; так, для обстоятельной критики выбирают альтермодерн — самую слабую с содержательной точки зрения концепцию. Ее автор — куратор Николя Буррио — не претендовал на философскую глубину и вообще на что-то большее, чем просто рекламу своей одноименной выставки в Британской галерее Тейт в Лондоне. На идеи гипермодерна (Жиль Липовецкий), автомодерна (Роберт Сэмюэлс) и диджимодерна (Алан Кирби) метамодернисты не обращают особого внимания и отмахиваются от них довольно спорным аргументом:

...многие из этих концепций — Липовецкого, Кирби и Сэмюэлса, насколько бы они ни были полезными для понимания последних разработок... радикализируют постмодерн вместо того, чтобы его реструктурировать⁴.

Другие два автора — Рауль Эшельман и Джош Тот — нужны метамодернистам, чтобы вписать их «теорию» в свою собственную, тем самым усилив стратегию метамодернизма по захвату интеллектуального пространства. Как это ни странно, но в итоге у них это получилось, о чем речь пойдет во втором разделе данной статьи. Пока же можно сказать следующее: на сегодняшний день из всех упомянутых концепций метамодернизм является наиболее успешным «-модернизмом», претендующим на то, чтобы заменить постмодернизм. Впрочем, его успех заключается отнюдь не в сильном содержательном наполнении «теории», но обусловлен иными факторами. Какими именно, я скажу позже, а пока необходимо хотя бы вкратце изложить суть метамодерна.

3. *Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge: Polity Press, 2005; Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Aurora: Davies Group, 2008; Samuels R. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected / T. McPherson (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 2008; Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009; Altermodern. Tate Triennial 2009 / N. Bourriaud (ed.). L.: Tate Publishing, 2009; Toth J. The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary. Albany: SUNY Press, 2010.*
4. *Vermeulen T., van den Akker R. Op. cit. P. 3.*

Что такое метамодернизм

Структурно манифест метамодернизма⁵ выглядит следующим образом. Во введении утверждается, что в современной эстетике произошел (нео)романтический поворот и общий дух времени подтверждают слова Барака Обамы *Yes We Can*. Авторы заявляют, что пытаются описать (возможно, более удачным термином было бы «схватить») зарождающуюся чувственность, ключевыми характеристиками которой могли бы быть наивность, искренность и серьезность. Именно эту чувственность (используется термин «структура чувства») они называют «метамодерном». В первой части эссе, о чем я бегло говорил выше, речь идет о нескольких концепциях «постпостмодернизма», появившихся раньше метамодерна. Нелишним будет заметить, что термин «постпостмодернизм» впервые предложила канадская исследовательница Линда Хатчеон, когда окончательно простилась с постмодерном и заговорила о том, что что-то должно прийти ему на смену, побудив тем самым читателей к самостоятельному размышлению⁶.

Вторая часть текста посвящена традиционному для «постпостмодернизма» разговору о переходе от постмодерна к метамодерну. Здесь авторы предусмотрительно замечают, что такой вещи, как «постмодерн», не существует. Стоит признать, что в ловушку, в которую не попали метамодернисты, угодили некоторые предшествующие исследователи типа Алана Кирби⁷. Под постмодерном обычно подразумеваются разные — зачастую противоречивые — тенденции эпохи, и у каждого теоретика постмодерна, как правило, свой взгляд на проблему. Между тем, с точки зрения Вермюлена и ван ден Аккера, можно выделить что-то общее во всех теориях постмодерна (Чарльз Дженкс, Жан-Франсуа Лиотар, Фредрик Джеймисон, Ихаб Хассан). Прежде всего это оппозиция модерну, утопизму, прогрессу, рациональности

5. По сути это неофициальный манифест. Немногим позже ключевые идеи авторов еще один метамодернист, Люк Тернер, оформил в теперь уже официальный «Манифест метамодернизма»: *Turner L. Metamodernist Manifesto // Metamodernism*. URL: <http://www.metamodernism.org> (рус. пер.: *Тернер Л. Манифест метамодернизма // Metamodern*. URL: <http://metamodernism.ru/manifesto>).

6. *Hutcheon L. The Politics of Postmodernism*. N.Y.; L.: Routledge, 2002. P. 181.

7. См.: *Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал Высшей школы эконо-*мики. 2018. Т. II. № 2. С. 197–212.

и т. д. И хотя на самом деле это не совсем так, в данном случае оставим этот пассаж без внимания. Авторы уверены, что «культурная индустрия» (сами они этот термин не закавычивают; конечно, лучше было бы сказать «деятели культуры») отказывается от тактик имитации в пользу мифа, от меланхолии — в пользу надежды, от эксгибиционизма — в пользу ангажемента. Иными словами, все это можно было бы выразить так: метамодернизм существует между «постмодернистской насмешкой» и «модернистским энтузиазмом». При этом, что особенно важно, авторы замечают:

Мы не утверждаем, что все постмодернистские тенденции завершены и окончены. Но мы полагаем, что большинство из них принимают иную форму и, что более важно, новый *смысл*, новое значение и направление⁸.

Следующая часть статьи называется «Стратегии метамодернизма». Здесь авторы активно цитируют различных исследователей и критиков, чтобы показать, что не они одни обращаются к теме новой чувственности. Во-первых, это немецкий философ Рауль Эшельман, который одним из первых предложил концепцию постпостмодернизма, назвав свой подход «перформатизмом». Суть последнего, как упрощают идею метамодернисты, в том, что в состоянии новой культуры потребители (и критики) идут на преднамеренный самообман, соглашаясь на интерпретацию произведения искусства, предзаданную автором произведения. Стратегию американского искусствоведа Джерри Сальца метамодернисты никак не обозначают, но в его текстах наблюдают проявление нового «вида чувственности, раскачивающейся между убеждениями, предположениями и позициями». Еще одна якобы метамодернистская стратегия — это «романтический концептуализм», как это называет критик Йорг Хейзер. В данном случае рациональное, хорошо просчитанное искусство замещается аффективными и сентиментальными абстракциями. Наконец, метамодернисты находят пример и в кинокритике. Так, исследователь кинематографа Джеймс МакДоуэлл предлагает термин *quirky cinema* («причудливое кино»), чтобы описать творчество Уэса Андерсона и Мишеля Гондри, которые пытаются воспроизвести детское простодушие в мире взрослых циников. Заканчиваются «Заметки о метамодернизме» четвертым разделом — об архитектуре, в кото-

8. Vermeulen T., van den Akker R. Op. cit. P. 4.

ром авторы пытаются доказать, что многие современные здания, отражая дух неоромантизма, преодолевают противоречия модерна и постмодерна.

Итак, по сути метамодернизм — новый тип чувственности («структура чувства»), который может обращаться к иронии, когда серьезности становится слишком много, и к наивности, когда в культуре начинает доминировать цинизм. Именно поэтому Вермюлен и ван ден Аккер выбирают термин «осцилляция» — раскачивание между модерном (энтузиазм) и постмодерном (насмешка). Префикс «мета» обозначает одновременно «с», «между» и «за». Сами авторы формулируют это так: эпистемологически метамодернизм располагается «с» (пост)модернизмом, онтологически «между» (пост)модернизмом и исторически «за» (пост)модернизмом. Чувственность, однако, контролируется самими субъектами, согласными на сознательный самообман.

Одна из ключевых проблем идеи метамодернизма состоит в том, что ее авторы выбирают тактику уклонения от определения содержательного компонента. К счастью, текст, коль скоро он претендует на некоторую новизну, требует ссылок не только на эмпирический материал, но и на хоть сколько-нибудь адекватную теорию. Именно поэтому метамодернисты оставили несколько следов, с помощью которых мы могли бы рассмотреть содержание их концепции. Впрочем, эти следы не впечатляют. Во-первых, они обращаются за помощью к Иммануилу Канту, чтобы показать, что его вера в прогресс человечества — то же самое, что и сознательная наивность метамодернизма. Вермюлен и ван ден Аккер утверждают, что Кант, используя слова «как если бы», кажется, сам не верил в проповедуемую им телеологию исторического процесса. Отсюда их замечание: «Человечество, народ в действительности не движутся к естественной, но неизвестной цели, но притворяются, будто движутся к ней так, чтобы развиваться нравственно и политически»⁹. Что ж, помимо того, что сам Кант выражал в рассматриваемом тексте свои (видимо, искренние) надежды на космополитизм, само человечество, руководствуясь «недоброжелательной общительностью», могло бы и притворяться, если бы действовало рационально, в то время как оно на протяжении истории движимо природой¹⁰. Одним словом, метамодернисты соглашаются продемонстрировать, насколько они неком-

9. Ibid. P. 5.

10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8.

петентны в философии, лишь бы — хотя и уместно — процитировать какой-нибудь философский источник.

Это же касается еще одного философа, чью идею метамодернисты пытаются приспособить для своих нужд, чтобы раскрыть содержание «теории». Так, они заявляют, что термин Эрика Фёгелина «между» (*metaxu*; в русском переводе эссе — «метаксис») лучше всего подходит для объяснения динамического характера метамодерна. «И эпистемологию метамодерна (*как если бы*), и его онтологию (*между*) следует, таким образом, рассматривать как динамику „и то и другое — и ни одно из них“, то есть „между“. Затем следует красивая цитата из текста Фёгелина. Стоит заметить, что для него термин «между» возникает в его концепции «гностицизма» именно как категория философии истории, которая связана с онтологией и экзистенцией человеческого общества, потому что человеческое существование, согласно философу, в его подлинном смысле раскрывается как существование «между» двумя полюсами напряжения — земным и божественным, совершенным и несовершенным, истиной и ложью, порядком и хаосом¹¹. Понимая эти нюансы, Вермулен и ван ден Аккер делают оговорку:

Отчет, который мы приводим, следовательно, неизбежно сокращенный, и *выводы, которые мы из него делаем, неумолимо опрометчивы*. Для наших целей эта концепция нужна не в качестве метафоры экзистенциального существования, то есть общего для «удела человеческого», но в качестве метафоры для культурной чувственности, специфичной для дискурса метамодерна. Метамодерн составлен из напряжения, нет, из двойного послания модернистского стремления к *смыслу* и постмодернистского сомнения в смысле всего этого¹².

Иными словами, сложная метафизика одного из последних настоящих философов истории стараниями метамодернистов превращается буквально в ничто, обычную приставку для игры слов.

Итак, теоретический, а лучше сказать, концептуальный базис метамодернизма рухнет постольку, поскольку заимствованные

11. Вкратце о бытии «между» на русском см.: *Маштаков Д., Чернявская А.* Бытие «между»: пролегомены к политической теории Эрика Фёгелина // *Логос*. 2015. Т. 25. № 6. С. 190, 192. Хотя метамодернисты цитируют другой текст, в целом это повторяющаяся тема для Фёгелина; суть идеи см. в: *Voegelin E.* *The New Science of Politics: An Introduction* // *Collected Works*. Columbia: University of Missouri Press, 2000. Vol. 5: *Modernity Without Restraint*. P. 188.

12. *Vermeulen T., van den Akker R.* *Op. cit.* P. 6. Курсив мой. — А. П.

авторами идеи на самом деле работают вовсе не так, как предполагают первоисточники. Более того, сами метамодернисты признают это. В итоге остаются декларации о том, что метамодерн — это новая чувственность, которая выбирает то иронию, то наивность, и все это якобы отражается в современной культуре, причем в некоторых ее сферах — архитектуре, кино и т. д. Не такой уж и большой результат для концепции, не правда ли? Вместе с тем метамодернизм из всех вариантов «постпостмодернизма» наиболее живуч. Почему это так?

Эволюция концепции

После того как Вермюлен и ван ден Аккер заявили о метамодерне, произошло еще множество событий. Сама культура развивалась, так что присутствовала возможность эмпирически проверить, действительно ли возникла та самая новая чувственность. Впрочем, когда нет никакой точки опоры для проверки гипотезы, можно заявлять все что угодно: если ирония не исчезла, значит, маятник качнулся в одну сторону, а если исчезла — в другую. В этом отношении метамодерн, конечно, беспроигрышная концепция. Однако важно не это. Важно то, что некоторые исследователи и даже деятели культуры решили связать свои проекты именно с метамодерном, а не с каким-то иным направлением «постпостмодернизма». Так, наибольшую рекламу метамодернизм получил, когда американский актер Шайа Лабаф устроил несколько «метамодернистских перформансов» и заявил, что он является адептом «теории». Сами Вермюлен и ван ден Аккер завели сайт, а в России нашлись те, кто решили развивать этот проект, если угодно, открыв «филиал метамодернизма»¹³. Так, на русский язык было переведено несколько текстов и написано множество оригинальных статей, содержание которых, впрочем, еще нужно оценить на предмет соответствия метамодернистским интенциям. Более того, некоторые исследователи уже всерьез рассуждают о том, что метамодернизм — состояние культуры, пришедшее на смену постмодерну. Например, исследователь Тауфик Юсеф применил куда больше усилий, чтобы обнаружить ключевые черты метамодерна в литературе и сравнить их с чертами модерна и постмодерна¹⁴. Иными словами, концепция метамодерна с момента своего воз-

13. См. URL: <http://metamodernizm.ru>.

14. *Yousef T. Modernism, Postmodernism, and Metamodernism: A Critique // International Journal of Language and Literature. 2017. Vol. 5. № 1. P. 33-43.*

никновения не доказала свою состоятельность, но активно развивается. Однако можно сказать и больше.

Почти каждый из авторов, концепции которых Вермюлен и ван ден Аккер отвергают как «укореняющие постмодернизм», по крайней мере, развили свои первоначальные манифесты в целые книги. Мы вправе были ожидать от метамодернистов, что и сами они спустя несколько лет кропотливой теоретической работы, эмпирических наблюдений и содержательных дискуссий подправят слабые места своей «теории», отрекутся от голословных утверждений, носящих черты манифеста, или тщательно аргументируют позицию, используя многочисленные примеры. Что ж, мы наконец получили книгу, посвященную метамодерну. Теперь, прочитав ее, мы можем понять, насколько «теория» метамодернизма крепка и основательна. Однако мы напрасно ожидаем того, что сами авторы идеи взяли на себя труд развить «теорию» и провести аккуратную исследовательскую работу. Точнее, это сделано, но работа самих Вермюлена и ван ден Аккера не впечатляет. Вместо авторов их концепцию буквально «докручивают» другие исследователи, вписывая свои имена в историю «метамодернистской мысли». Ирония заключается в том, что у редакторов не хватило интеллектуальных сил даже на очередной манифест и на качественную редактуру: не в том смысле, что статьи плохо отредактированы, но в том, что они пригласили в соредакторы профессионального литературоведа.

В сборнике под названием «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма»¹⁵ три раздела, у каждого из которых свой редактор. Первый редактировал Вермюлен, второй — Элисон Гиббонс, третий — ван ден Аккер. В разделе Гиббонс, помимо краткого введения, есть статья самого редактора, а Вермюлен и ван ден Аккер в качестве авторов в проекте не участвуют. Кроме кратких предисловий редакторов к разделам, они «отделались» общим введением к книге, в котором не сказали почти ничего нового и в лучшем случае подробно раскрыли прежние мысли о «конце истории», периоде 2000-х годов и повторили общие слова о метамодерне со ссылками на Эрика Фёгелина (упоминание Канта, к счастью, исчезло). Правда, в данном тексте уделено больше внимания английскому теоретику культуры Рэймонду Уильямсу, который в первой работе Вермюлена и ван

15. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism / R. Van den Akker et al. (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017.

ден Аккера упоминался лишь в примечании¹⁶, хотя его термин «структура чувства» авторы активно использовали. Теперь Вермулен и ван ден Аккер обращаются непосредственно к структуре чувства с почтительной ссылкой — как к одному из концептов Уильямса, который, к сожалению, не развил идею, оставив последователям лишь несколько блестящих интуиций и простор для интерпретаций¹⁷. Забавно, но остальные авторы сборника используют понятие «структура чувства» так, как если бы его изобрели сами метамодернисты.

К структуре чувства, как ее понимал сам Уильямс, относится все то, что пока еще не рационализировано: общие, еще не озвученные ценности поколения, некоторые еще не сложившиеся верования и, возможно, даже суеверия. Главное — все это не систематизировано и лишь выкристаллизовывается в нечто большее, в то, что уже известно как более формальное и определенное — мировоззрение и идеология. Иными словами, то, что является структурой чувства сейчас, завтра может превратиться в идеологию. Некоторой проблемой остается то, что для Уильямса это понятие мыслится в марксистском ключе и имеет четко направленный социальный характер, хотя и отражается в «радикально новых семантических фигурах». Метамодернисты отдают себе в этом отчет и вновь, как и раньше, используют концепт по своему усмотрению. Метамодернистская структура чувства отражается в фильмах Уэса Андерсона, произведениях Дэвида Фостера Уолесса и лозунге Обамы *Yes We Can*. Как бы то ни было, это, скорее, удачный термин для концепции: употреблять его легитимно, учитывая некоторую изначальную неполноту интуиций Уильямса. Но даже с учетом нового вклада в «теорию» аналитический багаж, наработанный за семь лет, не так уж велик. Разве что к этому можно прибавить многократные ссылки на Фредрика Джеймисона и других исследователей, обращающихся к социальным проблемам.

Несмотря на все это, оказывается, что некоторые тексты сборника обогащают идею метамодернизма, но, скорее, не теоретически, а в качестве некоторых наблюдений за тенденциями в современной культуре. Участвовать в сборнике были приглашены

16. «На наше понимание истории, или, скорее, исторической периодизации, повлияло каноническое описание доминантов, эмерджентов и остатков Рэймонда Уильямса» (*Vermeulen T., van den Akker R.* Op. cit. P. 13). В данном случае они даже не упоминают страницы, посвященные «Структуре чувства».

17. *Williams R.* *Marxism and Literature.* Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1977. P. 128-135.

почти все те авторы, которые якобы развивали «стратегии метамодернизма»: Джош Тот, Рауль Эшельман (хотя у этих двух мыслителей свои концепции «постпостмодернизма», причем куда более теоретически искушенные; подробнее я освещу их в других публикациях), Джеймс МакДоуэлл, Йорг Хейзер и другие исследователи. Почти все тексты — это конкретные кейсы актуальной культуры: архитектура, литература, кино и т. д. Вместе с тем теоретическое наполнение и эвристическая ценность у каждого кейса свои. Таким образом, раздел Элисон Гиббонс оказывается в книге наиболее важным, так как именно в нем представлены наиболее интересные статьи. На самом деле Гиббонс и ее авторы придают метамодерну мощный жизненный импульс, который делает эту концепцию куда более состоятельной, чем она была изначально.

Сама Гиббонс, будучи исследователем новейшей литературы, обращается к теме аффекта и переосмысляет представления об аффекте, присущие эпохе постмодерна, заявляя, что при метамодерне аффект возникает вновь («пере-возникает») ¹⁸. Однако главный текст раздела, который придает концепции метамодерна новую силу и более пристойный вид, принадлежит не ей. Так, литературовед Ли Константину уже какое-то время работает с термином «постирония», связывая его с новейшими тенденциями в англоязычной литературе. Что очень важно, он не определяет его как темпоральную категорию, новую культурную доминанту, синоним «новой искренности» и уж тем более как «антииронию». Вместо этого Константину заявляет, что постирония пытается решить проблемы, которые были поставлены в современной социальной и культурной жизни иронией, в свое время ставшей ответом на все возникающие вопросы. По сути, он утверждает, что постирония становится популярным ответом на «метамодернистскую структуру чувства» ¹⁹.

Термин «постирония» в академическом и публичном дискурсе сегодня преимущественно связан с именем американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса. Иными словами, в настоящий момент понятие чаще всего используют в литературоведении и применительно именно к его творчеству. Вместе с тем сам Уоллес никогда не использовал это слово. Однако именно он одним из первых адекватно и с присущей ему эмоциональностью вы-

18. *Gibbons A. Contemporary Autofiction and Metamodern Affect // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism. P. 117–130.*

19. *Konstantinou L. Four Faces of Postirony // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism. P. 88.*

разил усталость от иронии постмодерна и раскритиковал американскую культуру за доминировавший в ней сарказм²⁰, особенно характерный для американского телевидения в первую половину 1990-х годов. Стоит обратить внимание, что писатель говорил скорее о цинизме постмодерна, хотя и изобличающего лицемерие, но ничего не предлагающего взамен. В самом эссе Уоллеса превалирует критика и не предлагается никакой альтернативы. Формулировать позитивную программу постиронию за Уоллеса пришлось исследователям. Так, в 2016 году немецкий нарратолог Лукас Хоффман выпустил книгу под названием *Postirony*²¹, в которой проанализировал эссеистику самого Уоллеса и Дэйва Эггера, еще одного американского писателя. Ли Константину же связывает имя Уоллеса с возникновением «постироничного убеждения», заявляя, что именно сформулировать эту идею было целью писателя. Если учесть, что в разделе Гиббонс другой текст посвящен непосредственно Уоллесу, то последний выступает преимущественно «метамодернистским писателем»²², выразившим метамодернистское чувство еще до возникновения самого метамодерна. Другим аргументом в пользу новой чувственности опять же становится эссе «Шутка, которая больше не была смешной: размышления о метамодернистском ситкоме»²³. В этом эссе авторы предлагают весьма интересный инструмент для анализа популярной культуры, разделив современную телевизионную комедию на «холодную» (цинизм, отстраненность постмодерна) и «теплую» (искренность, сопереживание метамодерна) и показав это на разных примерах возникновения новых ситкомов.

Будущее метамодерна

К сожалению, у меня нет возможности останавливаться на этом новом вкладе в «теорию» метамодерна подробно, но ясно одно:

20. Wallace D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // Review of Contemporary Fiction. 1993. Vol. 13. № 2. P. 151-194. Перепечатано в сборнике его эссе: *Idem. A Supposedly Fun Thing I'll Never Do Again: Essays and Arguments*. Boston; N.Y.; L.: Back Bay Books, 1998.
21. Hoffman L. *Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Bielefeld: Transcript, 2016.
22. Timmer N. Radical Defenselessness: A New Sense of Self in the Work of David Foster Wallace // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. P. 103-116.
23. Rustad G. C., Schwind K. H. The Joke That Wasn't Funny Anymore: Reflections on the Metamodern Sitcom // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. P. 131-146.

все это делает метамодернизм, несмотря на его первоначальную содержательную бесплодность, мощным интеллектуальным движением с большим количеством участников, которые согласны включить свои исследовательские интересы в проект метамодерна. При этом создается ощущение, что, скажем, постирония, связанная с социальными процессами непосредственно, могла бы стать куда более адекватным и эвристичным языком описания социальных и культурных тенденций сегодня. Вермеулен и ван ден Аккер фактически осуществляют «гегемонии», используя очень удачную стратегию продвижения своей концепции в рамках «постпостмодернизма», опираясь на рекламу, слияние и поглощение. Во-первых, они рекламируют свой проект в публичном пространстве, делая его более известным и расхожим среди неспециалистов (реклама). Во-вторых, осторожно записывают в «метамодернисты» всех, кто мог бы содержательно наполнить данный проект, и затем вежливо приглашают к участию в нем (слияние). В-третьих, они согласны включить в метамодернистскую «структуру чувства» ученых, которые параллельно, независимо и даже раньше обнаружили эту новую «структуру социального чувства» (поглощение). Таким образом, возможно, в настоящий момент метамодернизм — в самом деле наиболее жизнеспособный вариант «постпостмодернизма».

Однако можно прогнозировать, что авторам, вероятно, еще предстоит побороться за копирайт на слово, так как еще в 2010 году они замечали:

Хотя, по-видимому, мы первые, кто использует термин «метамодернизм» для описания текущей структуры чувства, мы не первые, кто применяет данный термин как таковой. Его с некоторой частотой использовали в литературных исследованиях для описания постмодернистской альтернативы постмодернизму, как показано в работах авторов настолько разных, насколько это возможно, среди прочих — Блейка и Гая Дейвенпорта. Однако мы бы хотели подчеркнуть, что наша концепция метамодернизма никоим образом не отвечает их концепции и не является ее производной. Она связана с этими представлениями настолько, насколько участвует в переговорах между модерном и постмодерном. Но функция, структура и природа переговоров, которые проводим мы, являются исключительно нашими, и, насколько мы можем видеть, они никак не связаны с предыдущей перцепцией²⁴.

24. Vermeulen T., van den Akker R. Op. cit. P. 13.

Надо заметить, такова судьба многих терминов, включая упоминаемую выше «постиронию».

Вместе с тем пока что рано делать выводы относительно окончательной победы метамодернизма. Если вспомнить, какую сложную историю пришлось пережить термину «постмодерн», прежде чем стать ключевой проблемой гуманитарных и даже социальных наук, то понятию «метамодерн» предстоит немало испытаний. В конце концов, сама эпоха, которая получила наименование постмодерна, возникла не просто так — с 1950-х и до середины 1970-х годов шло становление постмодерна, а его черты едва выкристаллизовывались. Если даже постмодерн как эпоха или как доминирующий стиль в культуре закончился в 2000/2001 году, должно пройти как минимум 25-30 лет, чтобы можно было делать какие-то выводы о том, что будет называться «метамодерном» или как-то еще (скажем, у упоминаемого выше Рэймонда Уильямса «структура чувства» формируется в разбросе от 30 и до 60 лет²⁵).

Метамодерн сможет стать лидирующей концепцией только тогда, когда избавится от своих самых больших недостатков. Во-первых, он практически не уделяет внимания тому, на чем делают акцент иные теории (в частности, автотодерн и диджитотодерн) — на диджитализации общества и эволюции популярной культуры. Не учитывать влияние интернета и «радикальных технологий» (как это формулирует Адам Гринфилд) на общество и культуру — означает обрекать свои идеи на мгновенное забвение. Во-вторых, хотя разные авторы привносят в проект метамодерна что-то свое (литературу, фотографии, кино и сериалы), в нем все равно остаются прорехи, например музыка и прочие отрасли искусства. Иными словами, он все еще не тотален, в то время как, скажем, Фредрик Джеймисон, разговаривая про постмодерн, рассматривал культуру во всей ее тотальности. В-третьих, метамодернисты мало обращаются к социальным проблемам. Сами Вермюлен и ван ден Аккер, осознав ошибку, во введении к сборнику пишут и про новую, четвертую волну терроризма, и про новых агентов капитализма, и про экологические и экономические проблемы. И все же это лишь признание в том, что они осведомлены об этих проблемах, но не более. Кроме того, один из их любимых примеров «новой чувственности» — *Yes We Can* — становится

25. *Williams R. Op. cit. P. 134.*

менее актуальным в свете избрания Трампа президентом США²⁶. Пока метамодерн не скажет что-то об эпохе в ее тотальности, причем на должном уровне теоретических и социально-философских обобщений, об окончательной гегемонии среди концепций «пост-постмодернизма» он может даже не думать. Нам же, как социальным философам и аналитикам современной культуры, остается ждать, что станется с метамодерном.

Библиография

- Бьюз Т. Цинизм и постмодерн. М.: КДУ, 2016.
- Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Собр. соч.*: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 12–28.
- Маштаков Д., Чернявская А. Бытие «между»: пролегомены к политической теории Эрика Фёгелина // *Логос*. 2015. Т. 25. № 6. С. 180–195.
- Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. II. № 2. С. 197–212.
- Тернер Л. Манифест метамодернизма // *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/manifesto>.
- Altermodern. Tate Triennial 2009 / N. Bourriaud (ed.). L.: Tate Publishing, 2009.
- Browse S. Between Truth, Sincerity and Satire: Post-Truth Politics and the Rhetoric of Authenticity // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. P. 167–182.
- Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Aurora: Davies Group, 2008.
- Gibbons A. Contemporary Autofiction and Metamodern Affect // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. P. 117–130.
- Hoffman L. Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers. Bielefeld: Transcript, 2016.
- Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. N.Y.; L.: Routledge, 2002.
- Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009.
- Konstantinou L. Four Faces of Postirony // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. P. 87–102.
- Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge: Polity Press, 2005.

26. Впрочем, эту проблему опять же вместо них пытается решить другой автор: Browse S. Between Truth, Sincerity and Satire: Post-Truth Politics and the Rhetoric of Authenticity // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. P. 167–182.

- Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017.
- Rustad G. C., Schwind K. H. The Joke That Wasn't Funny Anymore: Reflections on the Metamodern Sitcom // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. P. 131-146.
- Samuels R. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* / T. McPherson (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 219-240.
- Timmer N. Radical Defenselessness: A New Sense of Self in the Work of David Foster Wallace // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. P. 103-116.
- Toth J. *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany: SUNY Press, 2010.
- Turner L. *Metamodernist Manifesto* // *Metamodernism*. URL: <http://metamodernism.org>.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. P. 1-14.
- Voegelin E. *The New Science of Politics: An Introduction* // *Collected Works*. Columbia: University of Missouri Press, 2000. Vol. 5: *Modernity Without Restraint*. P. 75-241.
- Wallace D. F. *A Supposedly Fun Thing I'll Never Do Again: Essays and Arguments*. Boston; N.Y.; L.: Back Bay Books, 1998.
- Wallace D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // *Review of Contemporary Fiction*. 1993. Vol. 13. № 2. P. 151-194.
- Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1977.
- Yousef T. Modernism, Postmodernism, and Metamodernism: A Critique // *International Journal of Language and Literature*. 2017. Vol. 5. № 1. P. 33-43.

IMAGES OF MODERNITY IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: METAMODERNISM

ALEXANDER PAVLOV. Associate Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities; Leading Reserach Fellow, Social Philosophy Department, apavlov@hse.ru. National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: postmodern; post-postmodernism; metamodernism; social philosophy; culture; Marxism; post-irony; aesthetics.

After postmodernism's key theorists abandoned the topic (Fredric Jameson) or even allowed that postmodernism is no longer exists (Linda Hutcheon), various concepts under the umbrella term "post-postmodernism" have begun to emerge since 2000. One of the last intellectual alternatives to post-modernism was the metamodernism proposed by two Europeans, Timotheus Vermeulen and Robin van den Akker. In 2010 they published a kind of manifesto entitled *Notes on Metamodernism* in which they argued that there had been a pivot away from cynicism and irony toward sincerity and romance in the newly emerging culture. This pivot heralds the arrival of the new era of metamodernism. The author of the article critically evaluates the manifesto and concludes that the concept of metamodernism does not stand up to scrutiny and has little of substance to offer. The metamodernism manifesto is at best a set of declarations.

However, this does not mean that the metamodernists had not intuitively hit upon the key to cultural and social tendencies that are still not completely clear. At the end of 2017 a new collection of articles edited by Vermeulen and van den Akker was published. Even though the authors of the metamodernism concept had almost nothing new to offer and failed to develop their ideas any further, other researchers and thinkers with different theoretical orientations from the original authors have taken up the metamodernism impulse and made it qualitatively more interesting. The metamodernism project has been developed with greater sophistication by theorists and also through empirical research. Metamodernism has been vindicated by the new life it has been given.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-6-1-16

References

- Altermodern. Tate Triennial 2009* (ed. N. Bourriaud), London, Tate Publishing, 2009.
- Bewes T. *Tsinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity], Moscow, KDU, 2016.
- Browse S. Between Truth, Sincerity and Satire: Post-Truth Politics and the Rhetoric of Authenticity. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 167-182.
- Eshelman R. *Performatism, or the End of Postmodernism*, Aurora, Davies Group, 2008.
- Gibbons A. Contemporary Autofiction and Metamodern Affect. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 117-130.

- Hoffman L. *Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*, Bielefeld, Transcript, 2016.
- Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*, New York, London, Routledge, 2002.
- Kant I. Ideia vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht]. *Sobr. soch.: V 8 tt.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 8, pp. 12–28.
- Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, New York, London, Continuum, 2009.
- Konstantinou L. Four Faces of Postirony. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 87–102.
- Lipovetsky G. *Hypermodern Times*, Cambridge, Polity Press, 2005.
- Mashtakov D., Chernyavskaya A.. Bytie “mezhdū”: prolegomeny k politicheskoi teorii Erika Fegelina [Being “in Between”: Prolegomena to Eric Voegelin’s Political Theory]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, vol. 25, no. 6, pp. 180–195.
- Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017.
- Pavlov A. V. Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm: retsenziia na knigu Alana Kirbi [Images of Modernity in the 21st Century: Digimodernism: A Review of Alan Kirby’s Book]. *Filosofiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2018, vol. 2, no. 2, pp. 197–212.
- Rustad G. C., Schwind K. H. The Joke That Wasn’t Funny Anymore: Reflections on the Metamodern Sitcom. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 131–146.
- Samuels R. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* (ed. T. McPherson). Cambridge, MA: MIT Press, 2008, pp. 219–240.
- Timmer N. Radical Defenselessness: A New Sense of Self in the Work of David Foster Wallace. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), Lanham, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 103–116.
- Toth J. *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*, Albany, SUNY Press, 2010.
- Turner L. Manifest metamodernizma [Metamodernist Manifesto]. *Metamodern*. Available at: <http://metamodernizm.ru/manifesto>.
- Turner L. Metamodernist Manifesto. *Metamodernism*. Available at: <http://metamodernism.org>.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.
- Vermeulen T., van den Akker R. Zametki o metamodernizme [Notes on Metamodernism]. *Metamodern*. Available at: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>.
- Voegelin E. The New Science of Politics: An Introduction. *Collected Works*, Columbia, University of Missouri Press, 2000, vol. 5: Modernity Without Restraint, pp. 75–241.
- Wallace D. F. *A Supposedly Fun Thing I’ll Never Do Again: Essays and Arguments*, Boston, New York, London, Back Bay Books, 1998.

- Wallace D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. *Review of Contemporary Fiction*, 1993, vol. 13, no. 2, pp. 151-194.
- Williams R. *Marxism and Literature*, Oxford, New York, Oxford University Press, 1977.
- Yousef T. Modernism, Postmodernism, and Metamodernism: A Critique. *International Journal of Language and Literature*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 33-43.